

и пролетариата, а только синдикатов рабочих физического труда; мы знаем между тем, что пока синдикаты группируют только незначительную часть трудящихся, и что есть еще огромное число работников, которые в силу особенных условий своего труда не могут объединяться на синдикальной почве.

Но Лабриола суживает деятельность партии еще в другом отношении. Для него партия не должна принимать никакого участия в выработке и проведении законодательных реформ; это дело она должна предоставить буржуазным правительствам. Партия должна только ограничиваться требованием реформ и контролем над их реализацией. Однако, практика показала Лабриолу и его сторонникам, что партия такого типа абсолютно немыслима в Италии. В этом Лабриола сам откровенно признается в одной из своих недавних статей. „Идеалом было бы, конечно,—писал он,—строгое соотношение между классовой борьбой и политической борьбой и попутно между action directe и парламентским действием. Но опыт показывает, что массы избирателей остаются еще непонятными принципами классовой борьбы. Они требуют известной дозы демократических иллюзий и реформистских обещаний. Эти наблюдения убедили меня, что, хотя синдикализм в принципе ничего не имеет против электоральной деятельности, он тем не менее не может надяться развить когда либо специальное особенное парламентское действие“¹⁾.

„Опыт“, на который ссылается Лабриола, по всей вероятности повлиял на изменение его отношения к партии в сторону большей примиримости. Так, через несколько месяцев после того, как появилась цитируемая статья, он писал уже, что партия даже в теперешнем своем виде является в руках рабочего класса могучим средством контроля над правительственными действиями, от которого он не сможет отказаться без серьезного вреда для себя²⁾, что социалистическая партия имеет существенно педагогическую роль. „Raison d'être“ партии заключается в распространении в рабочих массах принципов освобождения труда, в толкании синдикатов, являющихся сначала только корпоративными организациями, представляющими только специальные интересы определенных рабочих групп, к превращению в органы класса. Кроме этого, в границах, в которых рабочий класс желает участвовать в законодательной деятельности, партия им предлагает инструмент, приспособленный для такого участия³⁾.

¹⁾ Arturo Labriola, Syndicalisme et parti socialiste, в М. S. juillet 1906.

²⁾ Arturo Labriola, Du parlementarisme au syndicalisme, в М. S. Décembre 1906.

³⁾ Arturo Labriola, Syndicalisme et socialisme, в М. S. Octobre 1906.

III. Германия.

Слабые зачатки революционного синдикализма.

В Германии, несмотря на чрезвычайно быстрый темп промышленного развития и огромные размеры синдикального движения, пропаганда революционного синдикализма встречает очень мало сочувствия, и сторонники его являются сравнительно крайне малочисленными. Почти вся масса германских синдицированных рабочих идет за так называемыми „свободными“ синдикатами, согласно статистическим данным 1906 года, 1.429.300 членов и представляющими собою самое резкое, живое опровержение теории революционного синдикализма, эти синдикаты заражены порядочной дозой буржуазности и даже консерватизма и по отношению к политике занимают нейтралитет, ограничивая круг своей деятельности исключительно корпоративными интересами; характерной чертой их является крайняя умеренность, как в требованиях, так и в борьбе.

К всеобщей стачке, не только понимаемой в смысле социальной революции, но даже как к средству борьбы за определенные требования свободные синдикаты относятся крайне враждебно и вовсе не хотят о ней слышать. Это прекрасно показала Кельнский конгресс 1905 года, на котором самые влиятельные вожаки синдикатов метали против всеобщей стачки грома, и на котором была принята резолюция, гласившая, между прочим, что „конгресс считает нужным отвергнуть всякие попытки к навязыванию определенной тактики путем пропаганды массовой политической стачки; он рекомендует организованному рабочему классу энергично бороться против таких попыток. Что же касается всеобщей стачки, пропагандируемой анархистами (т. е. всеобщей стачки в смысле социальной революции—Е. С.), то конгресс полагает, что по этому вопросу не может быть вообще никаких дискуссий“. Но этого еще мало. Когда ленинский конгресс немецкой социалдемократии втиривал принцип всеобщей стачки, как средства обороны или борьбы за определенные политические требования, то это вызвало такой сильный переполох среди лидеров немецкого профессионального движения, что Бебель нашел нужным пригласить их на секретное заседание, где он общал им, что партия не будет проводить свою резолюцию в жизнь...

Умеренность и консервативность немецких синдикатов отчасти, только отчасти,—можно объяснить тяжелой национальной и по-